

ХРИСТИАНСКИЙ

18+

ЛЕТ

ПОЛНОСТЬЮ РЕЖИССИОННО

Елена Касаткина

**Отложенная
месть**

Начато «__» _____ 20__ г.

Окончено «__» _____ 20__ г.

На _____ листах

Елена Касаткина
Отложенная месть.
Следствие ведёт Рязанцева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29827673

ISBN 9785449046048

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Отложенная месть» – время не лечит раны и не помогает забыть обиды. Только месть может успокоить душу того, кто не умеет прощать. Распутать клубок загадочных смертей попытаются следователь Махоркин и стажёр Елена Рязанцева.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Отложенная месть Следствие ведёт Рязанцева

Елена Касаткина

Я большой поклонник мести. Это чувство – одно из тех, в которых мы не хотим признаться даже самим себе, но тайно оно всех нас гложет.

Джонни Депп

Корректор Преподаватель русского языка и литературы
МАОУ СОШ им. героя Советского Союза С. П. Шпунякова
Субота Галина Владимировна, г. Великий Новгород

Благодарности:

Работник культуры Иванова Светлана Анатольевна, г. Великий Новгород

© Елена Касаткина, 2025

ISBN 978-5-4490-4604-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Выпив стакан водки, Павел опустил голову на сложенные на столе руки и разрыдался. Как мало в жизни он видел счастья. Количество радостных событий можно было пересчитать по пальцам. Маленький, щедушный, ничем не примечательный человек, для него до сих пор было загадкой, как при таких незавидных внешних данных он заинтересовал эту девушку.

Нина стала его первой и единственной женщиной в жизни. Тихая и нежная, с густой русой косой до пояса, она была не похожа на своих ярких и дерзких однокурсниц, которые и за человека его не считали, не то что за мужчину.

Он заметил её не сразу. Горчичного цвета пальто и белый берет, из-под которого выбивались русые кудряшки волос, лишь на долю секунды задержали его взгляд. Ещё мгновение, и их пути разошлись бы в разные стороны навсегда, но в этот момент тяжёлый пакет в руках девушки прорвался, и по грязной мостовой оранжевыми мячиками покатались апельсины. Девушка ахнула и застыла, растерянно глядя вокруг и не зная, как быть. Два апельсина подкатились к ногам Павла. Он остановился, чтобы нечаянно не раздавить их, присел, подобрал несколько штук и протянул девушке.

Этот момент их знакомства он вспоминал часто и каждый раз удивлялся, как смог понравиться ей. Через два месяца

они поженились, а ещё через месяц он узнал, что скоро станет отцом. Казалось, счастье навсегда поселилось в доме. Он завидовал сам себе. Так было, пока не родилась Галинка.

Павел поднял голову. «Я не смог их защитить. Я слабак и всегда был слабаком». Он встал и подошёл к навесному шкафчику, где хранилась аптечка. «Зачем и кому я нужен на этой земле?». Горсть таблеток из собранных наугад упаковок заполнили стакан, из которого он только что пил водку. Он размял их ложкой и залил водой из-под крана.

Мутноватая жидкость на вкус оказалась ужасно горькой. Павел хотел выпить её целиком, но закашлялся с первого глотка. Сзади раздался взволнованный голос дочери:

– Папа, ты что?

Галя появилась в дверном проёме кухни неожиданно. Босая, в накинутом поверх ночной сорочки стареньком пуховом платке, который когда-то принадлежал её матери.

Взглянув в испуганные глаза дочери, Павел вылил остатки ядовитой смеси в раковину и отправился спать.

Сложенный диван-книжка крикнул под тяжестью навалившегося тела и замолк. Павел уткнулся лицом в подушку, голова кружилась, и он уже сам не понимал, где находится – в реальности или по другую её сторону.

В углу послышался шорох, и он открыл глаза. В полумраке комнаты, освещённой лишь неоновым светом уличного фонаря, были различимы нечёткие силуэты непонятных существ. Вдруг тень в углу комнаты зашевелилась и начала рас-

ти. Чудовище подняло костлявую конечность и растопыренными пальцами потянулось к шее Павла.

То, что творилось вокруг, походило на фильм ужасов. Невероятных размеров тени самых причудливых форм надвигались из всех углов крохотной комнатухи и тянули свои уродливые щупальца. Павел похолодел от ужаса и стал задыхаться. Собрав остаток сил, он подскочил к окну и дёрнул ручку фрамуги. Створка со скрипом поддалась.

Павел взобрался на подоконник и, перевалившись через него, полетел вниз, но ему повезло – полутораметровый сугроб смягчил падение. Те десять минут, которые он пролежал на снегу, окончательно отрезвили его. Павел поднялся и не спеша побрёл обратно домой.

Часть первая

Глава 1

Юрка Баранов с трудом дождался окончания уроков. Быстро затолкав в портфель учебники и тетрадь, он первым выскочил из класса и помчался в раздевалку. Обычно по дороге из школы они с друзьями сворачивали в ближайшую лесополосу, где, чувствуя себя совершенно взрослыми людьми, курили и, отчаянно матерясь, обсуждали последние школьные происшествия. Вставить смачное словечко в свою речь считалось верхом крутизны, и мальчишки старались вовсю, употребляя нецензурную речь с такой частотой, что смысл сказанного не всегда был понятен даже самому говорящему.

Сигареты Юрка покупал заранее в ларьке рядом с остановкой. Продавать их детям было строго запрещено, но продавщица делала вид, что верит рассказам Юрки, будто бы за сигаретами его отправил больной отец.

Сегодня планы были другие. Соседка по площадке Катька Огородникова выходит замуж, регистрация назначена на три часа дня, следовательно, жених за ней приедет где-то около двух. Юрка всё рассчитал. Уроки заканчиваются в половине второго, от школы до дома минут десять ходьбы, как раз успеет забросить портфель домой и занять позицию у дверей

соседей. Ну уж нет, Катюку он просто так этому красавчику Илюхе не отдаст. Пусть платит выкуп и не какими-то там дешёвыми конфетами, а раскошелится на настоящие рубли.

Юрке Катюха очень нравилась, так нравилась, что он сам мечтал жениться на ней, когда вырастет, но этот длинноногий красавчик его опередил. Углядев однажды в дверном глазке, как парочка влюблённых нежно целуется, Юрка весь побагровел от досады и со всего маху пнул ногой дверь.

Целый месяц он выслеживал влюблённых, которые даже не подозревали о его чувствах, и наконец понял, что ничего изменить не удастся. Катя глядела на Илью такими глазами, какими смотрели на своих избранников героини любимых бабушкиных сериалов. Антонина Петровна проводила время у телевизора с утра до вечера. Все сериалы заканчивались одинаково – свадьбой главных героев, и Юрка не понимал, зачем бабушка каждый раз смотрит про одно и то же, если и так понятно, чем дело закончится.

Постепенно Юрка смирился с положением вещей, в душе всё же надеясь, что красавчик рано или поздно на чём-нибудь проколется и тогда Катюка всё поймёт... Что именно должна была понять Катюка, Юрка не знал, но так говорили в сериалах.

Однако время шло, а счастливые влюблённые и не думали расставаться, пока однажды Юрка не подслушал разговор бабушки с матерью Кати о том, что молодые подали заявление в ЗАГС и вся семья теперь готовится к предстоящему

событию.

В голове у Юрки стал вызревать план по срыву свадьбы. Две недели он перебирал различные варианты и способы их реализации, но всё расстроила мать Кати, которая обратилась за помощью к соседям и лично Юрке.

Арнольдина Теличкина работала директором на мясокомбинате. Её первый муж Геннадий Огородников – отец Кати трагически погиб, когда дочери было пять лет от роду. Похоронив супруга, женщина в одиночках сидела недолго, через пару лет вновь вышла замуж. Новый супруг – Александр Евгеньевич Теличкин – сразу почувствовал себя хозяином в доме, несмотря на скромную зарплату техника на заводе. Он вряд ли мог рассчитывать на длительный интерес со стороны столь расчётливой дамы, как Арнольдина, но выручало многолетнее увлечение поисками «презренного металла», которое приносило изрядный доход, так что деньги в доме водились. В свободное от работы время Александр Евгеньевич отправлялся в поля. Ему везло и, купленный некогда по объявлению в газете металлоискатель довольно часто попискивал, сообщая о скрытой под землёй находке. Найденные монеты и другие, представляющие интерес у коллекционеров, ценности Теличкин почти сразу сбывал, благо дело это у него было поставлено на поток.

Два дня назад Арнольдина Степановна столкнулась с Юркой на лестничной площадке и, вложив ему в ладошку две конфетки «Метеорит», попросила:

– Юрочка, мне нужна твоя помощь. Ты же знаешь, что у нас через два дня свадьба.

– Чего ещё? – недовольно буркнул Юрка. Но вложенные в руку конфеты уже растопили в нём лёд обиды за отданную другому невесту. – Мне уроки делать надо.

– Я тебя долго не задержу, – не замечая недовольства мальчика, быстро заговорила женщина. – Ты не мог бы помочь мне перенести продукты из гаража. Вот ключ, где гараж, ты знаешь. В подвале на полках стоят закатки. Надо перенести их сюда. Мне некогда, надо для Катеньки платье подготовить. Если сделаешь всё, как я прошу, получишь ещё конфет.

Барановы жили небогато. Хороших конфет в доме никогда не было, да и разносолами Юрку особо не баловали, и потому раздумывал мальчик недолго. Взяв из рук женщины ключ, он согласно кивнул.

– Ну-у-у, ладно.

Весь оставшийся вечер Юрка таскал банки с маринованными огурцами и помидорами, а также фруктово-ягодными компотами из гаража в квартиру соседей.

Юрка почти бежал, не упуская возможность проехаться по раскатанному ребятишками зеркалу льда, который попался ему на дороге. Наконец-то последний поворот, Юрка свернул за угол и первым делом глянул на площадку перед

подъездом. Нет, никаких машин, украшенных шарами и лентами, нет, значит, он не опоздал. Сейчас только портфель занесёт...

Он поднял глаза вверх на окна Теличкиных и увидел в распахнутом проёме окна Катинной комнаты белое пятно. От холодного ветра глаза мальчика слезились, и он не сразу понял, что это. Девушка в белом подвенечном платье и фате стояла на подоконнике. Ещё секунда, и невеста подстреленной птицей полетела вниз.

Звук упавшего тела был глухим и совершенно не пугающим. Юрка часто слышал такой у себя за окном, когда на дворе наступала оттепель и накопившийся на крыше снег съезжал лавиной вниз, плюхаясь всей своей массой на дорожку перед домом.

Глава 2

Колючий ветер проникал за шиворот и заставлял Махоркина втягивать голову в плечи. Торопясь на место происшествия, он забыл надеть шарф. Замёрзшая в воздухе взвесь моментально впиалась ему в шею иголками, как только он вышел из машины.

Подойдя к телу, следователь поёжился, но не от холода. Представшая его взору картина была и ужасна, и прекрасна одновременно. На покрытой изморозью дорожке в неестественной позе лежала девушка. Красивое лицо не было тронуто падением, казалось, что девушка спит, и только ярко-красное пятно крови, растекшейся по заснеженному асфальту, свидетельствовало о несчастье.

– Будто сломанная кукла. – Лена Рязанцева не понимала, почему никак не может оторвать взгляд от этой страшной картины. Было в этой позе, в этих скрещенных руках, в развешивающемся на ветру кринолине и таком красивом спокойном лице, прикрытом нежной вуалью фаты, что-то завораживающе прекрасное.

Махоркин посмотрел вверх. Окно шестого этажа было открыто.

– Пойдёмте лучше в квартиру, посмотрим, что там. Здесь, кажется, всё ясно.

– Я с вами. А то задубел уже тут крутиться, – судмед-

эксперт Волков фамильярно подмигнул Рязанцевой и, обогнав Махоркина, демонстративно распахнул перед девушкой дверь подъезда, склонившись в реверансе.

– Позёр, – процедил сквозь зубы следователь, гневно сверкнув глазами в сторону эксперта.

Пропустив Рязанцеву вперёд, Волков заскочил внутрь проёма вслед за ней. Туго натянутая пружина с грохотом захлопнула дверь перед носом Махоркина.

– Вот же гад! – выругался Махоркин и с досадой дёрнул за ручку.

Лифт долго гудел где-то наверху, нехотя спускаясь и бряцая на каждом этаже всеми своими металлическими внутренностями.

– Словно с того света едет, – Лена нетерпеливо нажимала на кнопку, будто надеясь, что лифт от этого начнёт двигаться быстрее. – Пешком бы уже на месте были.

Наконец кабина доехала до первого этажа, и двери распахнулись. Весь пол лифта был усыпан лепестками белых и красных роз. Собравшаяся было войти, Рязанцева замерла на месте. То, что предстало перед глазами, словно повторяло картину растекающейся по снегу крови, которую она только что видела на улице.

– Нет, не могу, – произнесла Лена, отступая назад. – Я лучше по лестнице.

Махоркин последовал за помощницей.

– Подумаешь, какие мы нежные, – скривился в ухмылочке

Волков и шагнул в кабину.

Площадка шестого этажа была украшена красными шарами в форме сердечек, на стене висел плакат с надписью: «Жених, посмотри налево! Там живёт твоя королева!». Дверь в квартиру, где жила погибшая девушка, была открыта, и оттуда доносились приглушённые звуки причитаний.

Предсвадебное убранство квартиры и произошедшая в ней трагедия настолько не соответствовали друг другу, что вызывали у каждого входящего в это помещение внутренний протест. Хотелось сорвать все ленточки, сердечки и цветочки, но никто из присутствующих не решался на это. Народа в квартире было много. В просторной гостиной сидели и стояли какие-то люди, не то гости, не то любопытные соседи.

– Можно мне поговорить с хозяевами квартиры? – непонятно к кому обращаясь, спросил Махоркин.

– А их нет, – тихо произнесла одетая в длинное коралловое платье девушка. Её пепельного оттенка волосы были красиво завиты в мелкие кудряшки. Девушка сидела в группе столь же нарядно одетых подруг, лица которых были испачканы размытой слезами косметикой.

– А вы кто? – глядя на неё в упор, спросил следователь.

– Марина. Марина Петрова, – слегка запинаясь, пролепетала девушка и поднялась с дивана. – Я свидетельница.

– Происшествия? – усмехнулся Волков.

– Игорь Ильдарович, пройдите в комнату невесты и постарайтесь там максимально применить ваши профессиональ-

ные способности. А мы пока здесь попробуем обойтись своими силами.

– Понятно, – насмешливо глядя на Махоркина, ответил Волков и вышел из гостиной.

– Так где же хозяйева? – Александр Васильевич повторил свой вопрос, обращаясь к заплаканной девушке.

– Арнольдину Степановну увезла скорая, Александр Евгеньевич уехал вместе с ней.

Лена вплотную подошла к Махоркину и шепотом произнесла:

– Александр Васильевич, наверное, нам надо сначала представиться.

Махоркин на секунду смутился, но тут же исправил свой промах:

– Ах да, я забыл представиться. Старший следователь Махоркин Александр Васильевич. А это моя помощница – Рязанцева Елена Аркадьевна. Нам нужно поговорить с теми, кто стал свидетелем этого происшествия или может что-либо сказать по существу дела. Кто был с невестой в момент трагедии?

Казалось, официальный тон следователя привёл собравшихся людей в чувство, они прекратили всхлипывать и утирать носы, их лица стали серьёзными и озабоченными.

– Никого. Вернее, мы с девчонками были в комнате, но Катя вдруг попросила всех выйти и оставить её одну, а через пять минут в квартиру вбежал вот этот мальчик и сказал,

что Катя разбилась.

Марина Петрова показала на мальчика, который испуганно прижимался к сидевшей в кресле пожилой женщине, и слёзы вновь чёрными струйками потекли по её лицу.

– А где жених? – спросила Лена, оглядывая присутствующих; в комнате не было ни одного подходящего по возрасту мужчины.

– Он там, на кухне, – растерянно пролепетала свидетельница.

– Лена, пообщайтесь с девушкой, а я поговорю с мальчиком, – Махоркин присел рядом с Юркой. Мальчуган дрожал, как лист на осеннем ветру, положение не спасала даже находившаяся рядом с ним бабушка.

– Юра, расскажи, что ты видел?

– Она ша... шагнула из окна и полетела вниз, а потом бах, и всё. Я по... подошёл, а она не двигается, – мальчик слегка заикался.

– Она сама шагнула? Ты не видел, может, кто-то был рядом с ней в тот момент, когда она сделала этот шаг?

– Кажется, не было никого. Мне плохо было видно.

– Хорошо, а что было дальше?

– Ну, я испугался и побежал наверх. Арноб... Арнольб... – мальчик никак не мог выговорить сложное имя матери погибшей девушки. Сделав последнюю попытку, он выдавил, коверкая замысловатое имя: – Арнобльдина Степановна была в коридоре. Я ей сказал, что Катя упала, она

побежала в комнату, а я по..пошёл домой. Я только услышал, как она закричала. Больше ничего не знаю. Дома рассказал всё бабушке.

Антонина Петровна прижала к себе внука и произнесла:

– Можно мы пойдём? Напуган мальчонка, разве не видите, да и не кормлен ещё. Мы же сразу сюда пошли, чтоб как-то поддержать, утешить, всё-таки соседи.

– Хорошо, идите, – Махоркин потрепал мальчика по голове и повернулся в сторону помощницы.

Лена закончила беседовать с подругами невесты и вопросительно посмотрела на начальника.

– Ну что, настало время познакомиться с женихом.

Кухня, заставленная банками с соленьями и другой снедью, казалась не самым подходящим местом для допроса. Рязанцева обратила внимание на забавную рожицу и надпись «Капитан припасов», отпечатанные на крышках банок.

За столом, покрытым цветной клеёнкой, подперев руками голову, сидел юноша. Сквозь растопыренные пальцы ключьями пробивались чёрные, как смоль, волосы. Перед ним стояла бутылка водки и гранёный стакан. Количество содержимого, которое едва покрывало дно бутылки, свидетельствовало о том, что парень был изрядно пьян. Рядом с ним стояли оперативники.

Махоркин пожал обоим руки и, кивнув в сторону парня,

спросил:

– Что говорит?

– Да что он может сказать в таком состоянии.

Парень замычал и попытался оторвать руки от головы, но спутавшиеся волосы мешали ему. Он с силой дёрнул головой, и его руки, освободившись, с грохотом упали на стол, следом на них повалилась голова. Почти сразу же парень захрапел.

– Хорош жених. – В голосе Рязанцевой слышалось отвращение.

– Вообще-то парня понять можно, у него невеста погибла. Свадебный картеж подъехал к дому почти одновременно с нами. Можно сказать, что мы стали невольными свидетелями его реакции на случившееся. Честно говоря, зрелище было не для слабонервных, – оперативник Олег Ревин с укором посмотрел на Рязанцеву.

Олега Махоркин знал давно и испытывал к нему симпатию. Было непонятно, как этому внешне жёсткому мужчине при его работе удаётся оставаться таким тонко чувствующим и сопереживающим чужому горю человеком.

– Всё равно. Не люблю, когда горе пытаются утопить в алкоголе, – попыталась оправдаться Лена. – Зачем же вы позволили ему напиться до такого состояния?

– Он всё равно ничего не мог сказать, – включился в спор второй оперативник Виктор Котов. – Думали, примет на грудь, выйдет из шока, можно будет побеседовать, а он

всю бутылку уговорил, но в себя так и не пришёл. Да и теперь непонятно, в каком он состоянии.

– Понятно в каком. В никаком. – Лена понимала, что не права, но уступать не хотела. – И что нам теперь с ним делать?

– Пусть проспится, – примирительно ответил Махоркин.. – Пойдёмте. Надо осмотреть комнату невесты.

В комнате Кати Огородниковой было холодно и, несмотря на идеальную чистоту, как-то неуютно. У раскрытого настежь окна курил Волков. Его огромные, малинного цвета уши от мороза казались мраморными. Красная кепочка, которую эксперт носил круглый год независимо от погодных условий, меняя только направление козырька, явно проигрывала им по яркости. Кепку Волков считал своей визитной карточкой. Летом козырёк был повернут назад, а сейчас торчал вперёд, и в профиль худощавый парень напоминал дятла.

Когда в комнату вошли Махоркин и Рязанцева, эксперт выбросил сигарету в окно и изрёк:

И этой белой ночью – к тебе я убегу,

Туда, где небо в звёздах – решит судьбу мою...

– Пушкин? – не удержалась от насмешки Рязанцева. – Видимо, что-то из раннего.

– Моё, из позднего, – Волков принялся растирать замёрзшие уши.

– Ваше? Так это не вы ли написали про изумрудный город? Ах, нет, тот Александр. А вы, извиняюсь, под каким псевдонимом печтаетесь?

– Не придумал ещё. Может, ты чего подскажешь?

– Коразон, – предложил молчавший до этого Махоркин.

– Чего? – опешил Волков. – Какой ещё коразон?

– Не знаю. В рекламе слышал. Слово звучное, непонятное и бессмысленное. По-моему, для псевдонима в самый раз.

– «Коразон» – это известный косметический бренд, – уловила иронию в словах начальника Рязанцева. – Выпускают лак для ногтей.

– Странное название для косметической фирмы, слово какое-то корявое, таракана напоминает, – ёрничал Махоркин.

Впервые за весь вечер Лена улыбнулась:

– Вообще-то в переводе с испанского означает, кажется, сердце.

– Тогда не подойдёт, – с деланной грустью резюмировал Махоркин. – Давайте вернёмся к делу. – Игорь Ильдарович, вам удалось обнаружить что-нибудь интересное?

– Что тут интересного? Вот окно, вот стул, поднялась, шагнула и полетела. Снял, конечно, отпечатки, где было возможно, но вряд ли это изменит картину случившегося.

– А конфеты? – Лена указала на открытую коробку. На крышке тёмно-красного цвета красивыми буквами было написано «Вишня в шоколаде», внутри в ячейках золотистой формы лежали конфеты. Больше половины ячеек были пу-

стыми.

– Конфеты? – Приблизившись вплотную, эксперт выдохнул горький запах выкуренной сигареты в лицо Рязанцевой. – Конфеты, наверное, вкусные.

Он вытащил одну из ячейки и быстро отправил её себе в рот.

– *Келё уэр!* – воскликнула Лена по-французски и, с отвращением взглянув на Волкова, отошла в сторону. – Мародёр!

– Ой-ой-ой, ещё пришлите мне сокрытие улик или уничтожение вещдоков. Я эксперт, провожу исследование, а каким способом я это делаю, пусть вас не волнует. Считайте, что тестирую на себе. – Натянув на руку перчатку, он сгрёб оставшиеся конфеты в целлофановый пакет и вложил в свой кейс. Туда же отправилась и коробка.

– Кто не успел, тот опоздал, – подмигнул Волков Рязанцевой. – Как это будет по-французски?

– *Декутон. Жё не мар де туа.*

Махоркин удивлённо посмотрел на помощницу:

– Ваш французский пополнился новыми словами?

– *Уи. Се ля ви.*

Волков закрыл кейс и, перебросив через плечо фотоаппарат, отпрапортовал:

– Ну ладно, мне тут больше делать нечего. Всё сфотографировал, отпечатки снял, поеду в лабораторию, посмотрю, что в этих конфетках, может отравка какая. Доложу. Бывайте.

– Ну что, давайте осмотрим помещение и представим, что здесь могло произойти. У вас есть какие-нибудь версии? – обратился Махоркин к помощнице после того, как дверь за судмедэкспертом закрылась.

– Даже не знаю, – Лена огляделась. – Если девушка совершила суицид по доброй воле, значит, на то должны быть причины.

– Какие причины могут быть у молодой красивой девушки? Что-то не верится. Сдали нервы перед свадьбой?

– Подруга говорит, что Катя была весёлой. Даже традиционный плач перед зеркалом после неудачной попытки закончился взрывом смеха. Затем она сказала, что хочет побыть одна и попросила всех выйти.

– Весёлой? За минуту до самоубийства? Разве так может быть?

– Может, – лицо Лены стало строгим, – у нас в классе училась девочка Ира Позднякова, которая дружила с мальчиком из соседней школы, фамилию не помню, звали Ромкой. Мальчишка красивый был, а Ирка – она такая... Со странностями, в общем. Но он почему-то выбрал её. Если честно, все мы удивлялись, уж больно разные они были. Повстречались они месяц где-то, и вдруг этот Ромка стал избегать её. На звонки не отвечал, школу нашу обходил стороной. Ирка с ума сходила. Караулила его после уроков, обрывала телефон, но всё безрезультатно. Однажды на дискотеке она ки-

нулась ему в ноги и при всех стала рыдать и объясняться в любви, умолять, чтоб он её не бросал. Это было ужасное зрелище, я тогда впервые подумала, что любовь может быть уничижительной. Мы с ребятами стояли рядом и не знали, как реагировать. Тогда Ромка сжалился над ней. На какое-то время отношения их возобновились, но насиловать себя, притворяясь влюблённым, долго он не смог и вскоре вновь дал ей отставку.

Лена замолчала, погружившись в свои мысли. Махоркин с интересом наблюдал за выражением её лица, пытаясь угадать, о чём она думает.

– Интересная история, но какое отношение она имеет к нашему случаю?

– Я встретила её. В тот день у меня были занятия по музыке с репетитором. Когда я выходила из подъезда, она шла мне навстречу, вся воздушная, счастливая, такой я её давно не видела. Быстро бросив в мою сторону: «Привет», она проскользнула в подъезд. Больше я её не видела. Никогда. После занятий я пошла к подруге и пробыла у неё допоздна. Когда вернулась домой, мама сказала мне, что какая-то девушка выбросилась с крыши нашего дома. Я сразу поняла, кто это.

– Несчастливая любовь? – задумчиво произнёс Махоркин. – Надо бы поговорить с этим горе-женихом, когда в себя придёт, конечно. Хотя состава преступления нет и оснований для возбуждения уголовного дела тоже.

Махоркин почувствовал, как внутри него начала подни-

маться волна тревоги. Он знал, что это значит: внутреннее чутьё подсказывало – что-то здесь не так.

– А доведение до самоубийства? Разве не основание?

– Пока что фактов кого-то в чём-то подозревать у нас нет. Надо собрать больше информации о том, что происходило в этом доме в последнее время, и особенно в последние часы. Как складывались отношения девушки с женихом, подругами, родителями, соседями. Кстати, почему у неё фамилия не Теличкина, как у родителей, а Огородникова?

– Это не настоящий её отец, это отчим.

– Значит, надо разыскать настоящего и поговорить с ним. Заодно выяснить, не было ли у них в роду людей, страдающих психическими заболеваниями. Это огромная и кропотливая работа, как видите.

– Ну и что? Человек погиб, и мы должны найти виновного.

– Я в вас не сомневался, партнёр. А ещё хотела уволиться? Вот что бы я без тебя делал? – Махоркин осёкся. – Без вас...

Глава 3

После ремонта кабинет следователя Махоркина выглядел официальным и представительным. Помимо свежей отделки стен, на свалку отправили и старую мебель. Со вчерашнего дня вместо двухтумбового стола шестидесятых годов, который выглядел громоздким и угрюмым, красовался лёгкий однотумбовый светло-коричневого цвета, будто специально подобранный в тон обоям. На месте жёсткого деревянного стула теперь стояло оббитое мягкой серой тканью кресло.

В углу разместился двустворчатый шкаф, в котором Рязанцева аккуратно расставила всю, по её мнению, необходимую для работы литературу. Внутренний объём быстро заполнился различными справочниками, кодексами и телефонными книгами. Здесь же, в красивой малахитового цвета обложке, стоял словарь русского языка Ожегова. Книгу Лена вручила начальнику в качестве презента, взяв её из собственной домашней библиотеки.

– А словарь зачем? – удивился Махоркин.

– А затем. Все документы должны оформляться на безупречно правильном языке, – отчеканила помощница и выдвинула книгу с золотым теснением вперёд, – ну и вообще, просто красиво смотрится.

Всё-таки ей удалось его заинтересовать. Махоркин вытащил книгу и стал её перелистывать.

– Вы действительно думаете, что нам при составлении процессуальных документов могут понадобиться слова «ежели», «радеть», «ретиво»? – насмешливо спросил Махоркин.

– А вдруг? – Лена отобрала словарь и вернула на место.

Из старой мебелировки в кабинете остался только железный сейф. Его выкрасили в серый цвет, и он приобрёл от этого визуальную лёгкость.

К окну, где обычно стоял стул, из соседнего кабинета был перенесён лёгкий компьютерный столик, который теперь служил постоянным рабочим местом Елены Рязанцевой. Переехать в его кабинет Махоркин предложил сам, на что помощница, не раздумывая, согласилась.

– Чего уж вам тесниться сиротливо на стульчике. Всё равно пропадаете у меня в кабинете целыми днями, не выгоишь, – изображая недовольство, пошутил Махоркин.

– Очень надо, – парировала помощница и в тот же день переехала.

Консервативный по природе Александр Васильевич не сразу привык к новому облику кабинета и сперва даже выразил неудовольствие.

– Как будто я не у себя, – поделился ощущениями Махоркин.

– Ничего, привыкнете. Зато в кабинете стало светлее, даже дышится по-другому. Мне нравится, – Лена подёргала за верёвочки оконные жалюзи, – люблю, когда всё меняется.

По случаю обновления кабинета и своего переезда неугомонная помощница пригласила всех сотрудников на чай, спросив предварительно разрешение у шефа. Чувствуя себя виноватым перед ней за когда-то испорченный день рождения, Махоркин решил реабилитироваться и великодушно дал своё согласие:

– Ладно, только пусть с подарками приходят.

На следующий день почти весь штат следственного отдела набился в кабинет Махоркина и его помощницы. Переданное по «сарафанному радио» приглашение не осталось безответным, и каждый из гостей явился с презентом.

Стол Махоркина постепенно заполнялся полезной и бесполезной мелочью, среди которой были: упаковка зелёного чая, ручной эспандер, перекидной календарь на будущий год, два настенных календаря за прошлые года, миниатюрная картина неизвестного художника с изображением плывущего по реке кораблика, шоколадка «Алёнка» и три ручки. В общем, всё, на что хватило ума и чувства юмора у коллег по работе.

Отличился, как всегда, судмедэксперт Волков. В кабинет он вошёл, когда все собравшиеся уже дружно пили чай с тортом «Эстерхази», купленным утром Рязанцевой в супермаркете неподалёку.

Волков подошёл к Махоркину, протянул ему бумажный пакет и, ехидно прищурившись, произнёс:

– Поздравляю. Прими от меня в дар эту бесценную вещь

и не благодари.

Чувствуя подвох, Махоркин раскрыл свёрток и вынул из него небольшой рулон. В развёрнутом виде это оказался коврик, на котором были нашиты пластиковые кружочки с торчащими вверх шипами.

– Что это? – недоуменно спросил Махоркин.

– Аппликатор Кузнецова. При вашей сидячей работе и риске нажать геморрой – вещь незаменимая.

Илья Потёмкин сидел на стуле с безразличным видом. Допрос длился уже полчаса, но ничего путного из парня выбить не удалось. Всматриваясь в выражение его лица, Махоркин пытался понять, какие чувства наполняют сейчас душу несостоявшегося жениха, но так ничего и не разобрал. Парень смотрел в одну точку и на все вопросы отвечал только «да» и «нет», не вдаваясь в подробности.

– Он не виновен, – сделала заключение Лена, когда они остались одни в кабинете.

– Почему вы так решили? – спросил Махоркин, который и сам пришёл к этому выводу.

– Вижу. Он раздавлен случившимся. И потом, я, когда говорила с подругами Кати, они все уверяли, что парень боготворил свою девушку и вообще был всегда очень нежен с ней.

– Тогда кто ещё мог так сильно повлиять на сознание по-

гибшей? Может быть, кто-то из подруг? Может, кто-то завидовал ей, как это у вас бывает.

– У кого это, у нас? – возмутилась Лена, сдвинув брови к переносице.

– Ну, у женщин это в крови, – делая вид, что не замечает возмущения, продолжил Махоркин.

– Много вы о женщинах знаете, – Лена сердито надула губы и замолчала.

В наступившей тишине раздался телефонный звонок. Махоркин поднял трубку, внимательно выслушал собеседника и со словами «Понятно. Спасибо» положил её на рычаг.

– Ну, что там? Кто звонил? – нетерпеливо заёрзала на стуле помощница.

– Волков. Доложил результаты проведенных анализов.

– И что? Ну не томите, Александр Васильевич.

– В конфетах ничего подозрительного не обнаружено, небольшое содержание спирта, который входит в состав продукта, – задумчиво произнёс Махоркин.

– Ляпас, – Лена принялась грызть кончик ручки. Она делала так всякий раз, когда пыталась сосредоточиться. – То, что в конфетах ничего нет отравляющего, и так было понятно. Марина, подруга Кати, тоже съела пару штук, она сама мне это сказала во время беседы. Да и Волков до сих пор жив-здоров.

– Волков не показатель. Этого никакая зараза не возьмёт, – с иронией заметил Махоркин. – А что ещё вам рас-

сказали подружки?

– Да, собственно, ничего такого, за что можно было бы зацепиться, в тот момент они были сильно напуганы и неразговорчивы.

– Я думаю, вам стоит поговорить с Мариной ещё раз. Узнайте, чем интересовалась её подруга, куда ходила, о чём мечтала.

Уютное кафе «12 стульев», где Марину Петрову ожидала Рязанцева, было полупустым. Лена долго разглядывала выставленные на обозрение пирожные под большим стеклянным куполом и, наконец, сделала свой выбор:

– Мне эклер и капучино, пожалуйста.

Расплатившись, она направилась к столику, но в этот момент раздался приятный трезвон колокольчика над входом, и в кафе вошла Марина.

Кивнув Рязанцевой, девушка сразу направилась к кассе.

– Мне, пожалуйста, всё тоже самое.

Девушки заняли столик у окна. Атласная обивка и красиво изогнутые ножки стульев были точно такими же, как в фильме Марка Захарова. Неожиданно для Рязанцевой первой вопрос задала Марина.

– Вы Илюшу подозреваете? Зря. Он тут ни при чём.

Лена внимательно посмотрела на девушку и задала встречный вопрос:

– А кто при чём? Кого лично вы подозреваете?

– Я никого не подозреваю, но Илья очень любил Катю, дышать на неё боялся. Они и не ссорились-то никогда.

– Хорошо, давайте забудем про Илью. Я хотела побольше узнать у вас про Катю. Чем она увлекалась, с кем дружила, что делала в свободное время, куда ходила?

– Всё свободное время она проводила с Ильёй, а друзей у неё почти не было, мы с ней с детства дружим, и нам обеим этой дружбы вполне хватало.

– А как же те девушки, что были в квартире вместе с вами, когда погибла Катя?

– Это одноклассницы, но с ними у Кати были не очень близкие отношения, она их и на свадьбу-то пригласила только для того, чтобы они разбавили своим присутствием пожилых гостей.

Официантка в кружевном переднике и белом накрахмаленном головном уборе, называемом «буфетчица», поставила перед девушками две чашки ароматного кофе со сливками и тарелочку с эклерами.

Лена сделала глоток, и на её лице отразилось удовлетворение. То, что в этом кафе делают самые вкусные пирожные, она знала, но и капучино ничуть не проигрывал в качестве.

– А Интернет? Наверняка Катя состояла в каких-нибудь соцсетях? С кем она там общалась?

– Нет. Катя, конечно, пользовалась Интернетом, но только для того, чтобы получить нужную информацию, скачать

фильм или музыку, соцсетями она не пользовалась, относилась к ним с отвращением. Считала, что выставлять на всеобщее обозрение себя и свою жизнь – дурной тон, а уж заводить друзей – вообще большая глупость. Я так не считаю и всегда спорила с ней, но она твёрдо стояла на том, что всё это уход от реальности, искусственно придуманная жизнь для тех, кто в настоящей жизни не смог себя реализовать.

– Понятно. А скажите, Марина, раз вы были подругами с детства, следовательно, должны были знать её отца? Где он? Что с ним?

Марина тоже отпила кофе из чашки, но к пирожному не прикоснулась.

– Отец Кати погиб при странных обстоятельствах, когда ей был всего год от рождения. Я плохо знаю эту историю, только по рассказам самой Кати, а она по рассказам матери, так что я не могу поручиться за её истинность. Вроде бы отцу снесло голову встречным грузовиком, гружённым досками, когда он на большой скорости высунулся из окна своей машины. Такую версию я слышала от Кати. Возможно, что всё это детские фантазии, но своего родного отца Катя не знала. Арнольдина Степановна довольно быстро снова вышла замуж, но фамилию Кате оставила её настоящую и всё ей рассказала, как только та стала задавать вопросы.

Марина подробно рассказывала историю своей подруги, не прикасаясь к пирожному, лишь изредка прикладываясь к чашке вкусно пахнущего кофе. Наблюдая за ней, Рязан-

цева первой взяла политый шоколадом эклер и откусила. «Какой божественный вкус», – пронеслось в голове. Словно прочитав эти мысли, Марина тоже потянулась за пирожным, но на полпути замерла, глаза её округлились и, оставив без внимания эклер, она быстро заговорила:

– Вспомнила. Катя мне жаловалась на отчима. Где-то полгода назад. Говорила, что этот «старый козёл» к ней пристаёт.

– Интересно. Она вам что-то рассказывала? Есть какие-нибудь подробности? – Лена отложила эклер.

– Да, она говорила, что купила новый купальник, а когда стала примерять его у себя в комнате, то в зеркало увидела, что отчим смотрит на неё в щель неприкрытой двери. Она захлопнула дверь у него перед носом. А наутро, сквозь сон почувствовала, как чья-то рука гладит её под одеялом. Это был отчим. Катя тогда мне сказала, что боится рассказать матери об этом.

– А почему?

– Понимаете, у них не было доверительных отношений, какие бывают между матерью и дочкой. Арнольдина Степановна вся в работе, она директор мясокомбината, её и дома почти не бывает. Катя побаивалась мать, да и отчима тоже, она сама мне говорила, – вспомнив наконец о нетронutom эклере Марина с наслаждением принялась за него.

– Ну что ж, мне пора. Спасибо вам, Марина, за разговор. Он оказался очень полезным, – позабыв про недоеденное ла-

комство, Лена схватила с вешалки шубку и выскочила из кафе.

– Значит, отчим, – резюмировал Махоркин после того, как влетевшая в кабинет Рязанцева выпалила автоматной очередью всё, что ей рассказала Марина Петрова. – Пора отправлять к этому «старому козлу» наших оперов.

– Если можно побыстрее, Александр Васильевич, пока он не скрылся.

Её глаза искрились охотничьим азартом, Махоркин невольно залюбовался. Раскрасневшаяся, она была обворожительна.

– Для начала снимите верхнюю одежду, а то вы пышите жаром, – Махоркин улыбался. – Никуда он не денется. От Котова с Ревиным ещё никто не уходил.

– А можно мне с ними? – не обращая внимания на иронию, попросила Лена.

– Ещё чего. Вы свою часть работы уже сделали. Каждый должен заниматься своим делом. Работа следователя в основном проходит в кабинете, разве вас этому не учили в институте. Задержанием преступника должны заниматься специально обученные этому люди, не отнимайте хлеб у оперативников. И снимите уже, наконец, шубку. Она очень красивая и вам идёт, но работать в ней, наверняка, не очень комфортно.

– Вы формалист, Александр Васильевич. И книжный червь, – Лена изобразила на лице возмущение, но приподнятые уголки губ выдавали её настроение.

– Червь и Цикада – неплохое название для басни, не правда ли? Почти как у Крылова.

Лена усмехнулась и скинула шубку цвета кофе с молоком.

– Эзоповская Цикада, в нашем варианте Стрекоза, была не так легкомысленна, как это преподнёс Крылов, а вот Муравей оказался жестоким и жадным.

– Я давно хотел извиниться перед вами за тот случай, – Махоркин стал серьёзным. – Вы не имеете ничего общего с этим персонажем. Мне было бы трудно без вашей помощи. Я очень рад, что вы остались в Следственном отделе.

– Моаси. Только я совсем не обиделась. Басня ведь говорит о разном отношении к жизни. А я действительно отношусь к ней легко.

– Хорошо, тогда забудем об этом. Давайте лучше подумаем, что могло произойти в этом доме? Что заставило девушку шагнуть с подоконника?

– Может, изнасилование? Перед свадьбой или ранее. Девушка могла испугаться, что жених всё узнает в первую брачную ночь, и это толкнуло её на отчаянный шаг.

– Я тоже об этом подумал. Вряд ли простые домогательства могли стать поводом к самоубийству. Выйдя замуж, она бы перестала им подвергаться, значит, было что-то посерьёзней. А узнать мы это можем только от самого Телич-

кина. Остаётся ждать, когда нам его доставят. Хотелось бы ещё с матерью поговорить.

– Она в больнице. Гипертонический криз. Лучше пока её не трогать.

– Надо позвонить Волкову, пусть проверит труп на предмет изнасилования, – Махоркин снял трубку и набрал номер судмедэксперта.

Глава 4

Александр Евгеньевич Теличкин мучился тяжёлым похмельем. Вернувшись вечером из больницы в пустую квартиру, заставленную коробками с шампанским и водкой, он стал откупоривать одну бутылку за другой. Три дня мужчина беспробудно пил. А что ещё оставалось делать, специально к свадьбе падчерицы он оформил недельный отпуск без содержания. Теперь он топил своё одиночество в том самом алкоголе, в котором собирался топить свою радость. Впрочем, радости от замужества падчерицы никакой не было, зато повод погулять на полную катушку был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.